

Т.Р. ГАРЕЕВ

Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне

В настоящий момент в рамках экономической теории, экономической социологии и отчасти социально-экономической географии (регионалистики) происходит прорисовка общего тренда, направленного на формирование единой области и предмета исследований, – *понимание процессов развития субрегиональных (мезо-) экономических систем на основе анализа институциональных изменений*. Его особенностью является попытка идентификации области, в которой сталкиваются восходящие процессы формирования новых правил и нисходящие процессы стабилизации конституирующих правил. Как отмечает Р. Скотт, речь идет о “центральном положении организационного поля (*the locus of organization field*) как промежуточного звена между индивидуальными акторами и организациями на микроуровне и системами социальных и транс-социальных акторов на макроуровне” [Scott, 2008, р. 191]. В результате в качестве объектов исследования все больше выступают системы “мезоуровня” [Клейнер, 2003^a; Дементьев, 2002; Марков, Ягольницер, 2008]. Область “мезо-” пытается занять промежуточное (переходное) место между микро- и макроуровнями в моделях с целью преодолеть ограниченность как традиционных дихотомий (например, индивидуализм и холизм), так и традиционного структурного анализа (двухуровневого анализа системы как совокупности элементов).

При этом ограниченность традиционных неоклассических экономических моделей в понимании эволюции институтов (формирования, стабилизации и изменения правил) заключается в упрощенном понимании экономической реальности, когда микросубъекты непосредственно агрегируются в макросистемы идеального рыночного типа. В таких моделях правила носят формальный и, вероятно, нейтральный характер. В данной работе я попытаюсь обозначить контуры проблемы **развития на мезоуровнях** с позиции *системной парадигмы* как междисциплинарной теоретической платформы. Для этого выделяются современные экономические, социологические и пространственные¹ исследования, подходящие к изучению связи институтов и развития экономических систем на субрегиональных (мезо-) уровнях агрегирования.

Подходы к институциональному анализу развития мезоэкономических систем

Одна из методологических проблем современной социальной теории – преодоление дисциплинарных терминологических барьеров. Такие попытки предпринимаются регулярно, но являются объектом ожесточенной внутридисциплинарной критики.

¹ Здесь и далее понятие пространственный (*spatial*) предполагает географический (региональный, городской) смысл, если специально не оговорено иное (пространство как область действия правил – *space*).

В результате исследователям приходится либо выходить на иной уровень обобщения (философский, методологический, математический) с соответствующей потерей “фокусировки” (по выражению О. Ананьина), либо устанавливать эквивалентность терминологии.

Изучение процессов развития субрегиональных (мезо-) экономических систем на основе анализа институциональных изменений – междисциплинарное направление, которое в ряде источников характеризуется как **мезоэкономика**. Е. Попов для данного направления предлагает использовать неологизм – эволюционная региономика [Попов, 2007, с. 387]. На сегодня ситуация с развитием данного направления, по-моему, может быть выражена “формулой Клейнера”: “Фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов... Мезоэкономика – естественное поле формирования и действия экономических институтов” [Клейнер, 2003^a, с. 16]. В этой связи терминологический аппарат современной институциональной теории и системной парадигмы представляется выигрышным, так как позволяет интегрировать сближающиеся дисциплинарные домены и при этом не отдаляться на запретительное расстояние от экономической политики.

Принимая за основу системную парадигму, исследователь сталкивается с недостаточностью фундаментальных для экономической теории понятий, таких как микро- и макроуровень агрегирования экономических систем (см. табл.). По мнению В. Дементьева, этим во многом и объясняется большой интерес к институциональной теории, объединяющий страны с весьма отличающимися путями рыночных преобразований [Дементьев, 2002, с. 71].

Наиболее удобные, а потому наиболее исследованные, уровни агрегирования – крайние варианты в иерархии, которые наиболее близки к методологическому индивидуализму или, наоборот, холизму: уровень организации по отношению к индивидам, а также глобальный уровень по отношению к страновому. Не в последнюю очередь удобство выбора данных уровней в качестве объекта и предмета исследований объясняется статистической сопоставимостью единиц популяций – “носителей” институтов (индивидов и стран, соответственно). В известной степени такому критерию удобства отвечает субнациональный срез регионалистики (сравнительный анализ регионов и отношения “федерация–субъекты федерации”).

Более сложными для анализа, но привлекающие возрастающее внимание исследователей, – субрегиональные (локальные) проекции, формирующиеся на уровне **мезоэкономических производственных и социальных систем** [Марков, Ягольницер, 2008, с. 19]. Как показывают исследования российских институционалистов, в таких субрегиональных экономических системах отражаются (или формируются) конституционные правила, присущие всей макроэкономической системе. Так, для постсоветской России характерно, что “...общей чертой формирующихся в различных сегментах экономики локальных правил конституционного типа является модификация и частичное замещение формальных либеральных норм неформальными правилами корпоративно-патерналистского и особенно государственно-патерналистского типа” [Левин, 2007, с. 244]. Похожего взгляда на уровень институционального анализа экономических систем придерживается Дементьев [Дементьев, 2002].

О важности данной области свидетельствует интерес к ней подавляющего большинства исследователей. Проблему удачно обозначил Дж. Коулман: “Проблема такова: мы понимаем и можем моделировать поведение на уровне индивидов, но мы редко способны должным образом осуществить *переход* (курсив мой. – Т.Г.) к поведению всей системы, состоящей из тех же самых индивидов” (цит. по [Радаев, 2002, с. 5]).

На мой взгляд, *проблема перехода* между различными уровнями агрегирования экономической и социальной иерархии находится в центре институционального анализа (и “системной парадигмы”). Данную проблему достаточно трудно разрешить исключительно в рамках экономической теории, даже модифицированной неинституциональным влиянием на уровне “защитного пояса”. Чисто экономический взгляд предполагает, что институты, по сути, и есть содержание внешней для агента среды (или институциональной среды, формирующей правила поведения). В этом смысле

**Примеры объектов и предметов различных разделов
экономической науки**

Раздел экономической науки	Объект исследования	Предмет исследования
Глобальная экономика	Мировой рынок	Национальные хозяйственные системы
Макроэкономика	Национальный рынок	Отрасли и секторы национального хозяйства
Региональная экономика (мезоэкономика)	Региональный рынок	Отрасли и секторы региональной хозяйственной системы
Микроэкономика (экономика локальных рынков)	Локальный рынок	Хозяйствующие субъекты рынка (экономические агенты рынка)
Миниэкономика (экономика предприятия)	Хозяйствующий субъект (предприятие)	Подразделения хозяйствующего субъекта (экономические агенты предприятия)

Источник [Попов, 2007, с. 77].

они являются частью целого (макроуровня) и *при прочих равных нейтральны* по отношению к акторам на микроуровне (то есть к индивидам и фирмам), чье поведение регулируется рыночным механизмом координации трансакций. В рамках данной модели агрегирование представляет собой процесс суммирования вещественных (денежных и количественных) переменных, а макроуровень сразу выводится из микроуровня. Для этого достаточно, чтобы в системе эффективно защищались права собственности и обеспечивалась свобода конкуренции (макроинституты, которые обеспечивают эффективность рыночного механизма координации трансакций).

Механизмы координации рассматриваются исключительно в рамках *регулятивных* оснований институтов, то есть ограничителей действия [Scott, 2008, p. 52]. Институты отождествляются с установлением правил, мониторингом их исполнения и, в случае отклонений, принуждением к их исполнению.

Как отмечает П. Ореховский, для “чистого” экономического подхода субъекты обмена равноправны и однородны, в то время как для социологического подхода субъекты социальных коммуникаций изначально неравны и разнородны. По его мнению, экономисты рассматривают рынки, а социологи – иерархии. Таким образом, для экономического подхода характерно абстрагирование от *иерархической власти*. Рассматривается только *рыночная власть* как структурное несовершенство рыночного механизма, допускающее экономическое регулирование (в духе А. Пигу, либо Р. Коуза). Ореховский считает, что проблема учета социологического измерения заключается в признании *неэквивалентности обменов* [Ореховский, 2008].

Институциональная (в широком смысле “системная”) парадигма приводит к дисциплинарному синтезу в рамках “стыковых” разделов экономической науки, обозначенному еще Й. Шумпетером, а именно экономической теории и экономической социологии [Левин, 2007, с. 48]. Для нашего исследования важно, что учет социального пространства в экономических моделях приводит к усложнению представлений об иерархии социально-экономических систем. Мезоуровень агрегирования становится адекватным полем анализа властных отношений различной природы. Различие экономического и социологического взглядов, по-моему, отражает предложенное Р. Скоттом позиционирование институциональных теорий в разрезе “уровень агрегирования – тип институционального основания” (см. рис. 1).

Если посмотреть на схему, предложенную Р. Скоттом [Scott, 2008, p. 89], можно обратить внимание, что регулятивное основание (*pillar*) достаточно тесно связано с экономической теорией, тогда как нормативное (и отчасти культурно-когнитивное) – с доменом экономической социологии. Однако данный анализ с точки зрения мезоуровня представляется неполным, если не включить в него **региональный аспект**. Как отмечают Л. Марков и М. Ягольницер, особое место в мезоэкономике –

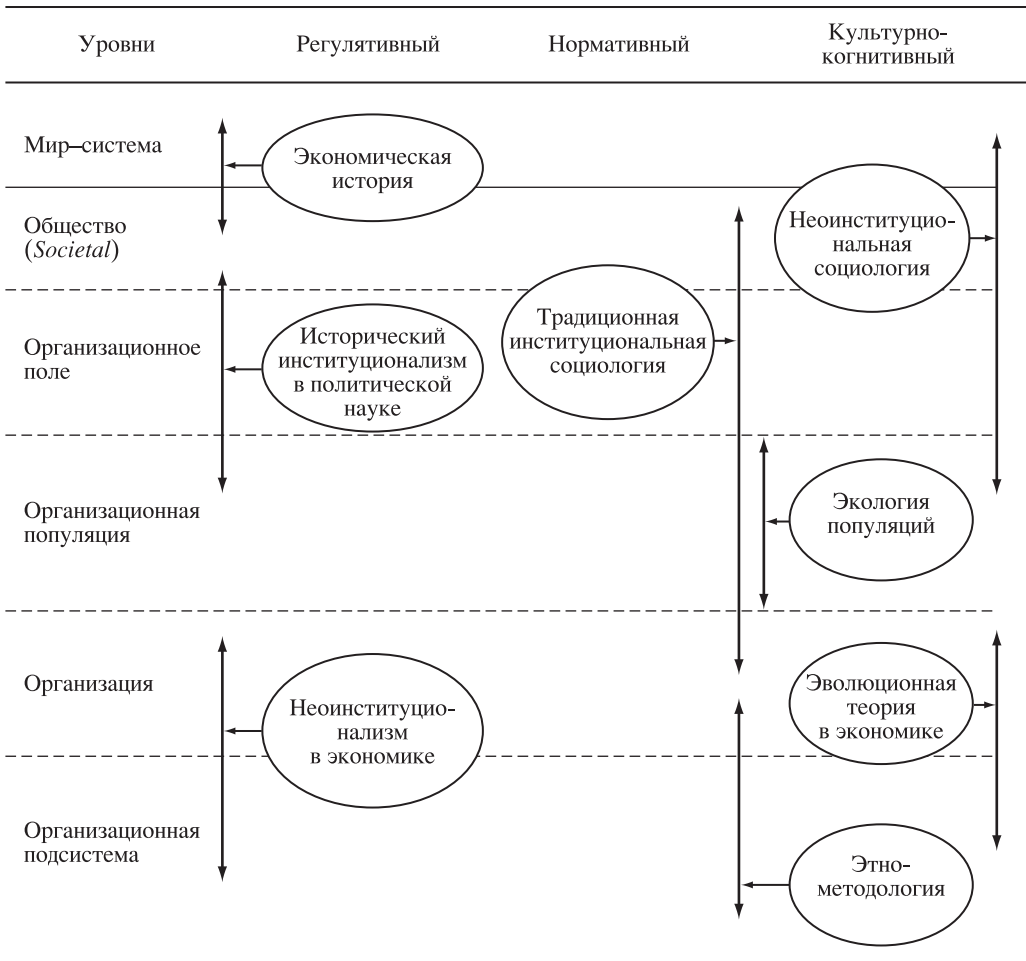

Рис. 1. Институциональные основания и различные уровни агрегирования: репрезентативные школы.

разделе экономической науки, связанном с изучением промежуточных, между микро- и макроэкономикой систем национального хозяйства, – отводится изучению проблем региональной экономики [Марков, Ягольницер, 2008, с. 19]. Как ни странно, именно на мезоуровнях экономика и социология обретают связь с региональной экономикой, традиционно стоящей особняком в системе социально-экономического знания.

Мной предлагается междисциплинарная матрица институциональных теорий (см. рис. 2)². Как видно на рисунке 2, достаточно мощное влияние на современные исследования оказывают эволюционная парадигма и новая экономическая история. Воспроизводство и изменение мезоэкономических отношений – лишь один из аспектов экономического развития. По мнению Дементьева, трактовка роли этих мезоэкономических факторов во многом определяет различия между отдельными концепциями экономического развития, фактически претендующими на раскрытие национальной

²Как отмечает С. Левин, важно учитывать, что в рамках плюралистического междисциплинарного подхода существует риск скатиться к банальной эклектике. “Необходим поиск четких критериев сочетания инструментария разных методологических подходов в исследовании” [Левин, 2007, с. 47].

Рис. 2. Место теории субрегионального развития (мезо-).

специфики, на объяснение истоков экономического лидерства и отставания [Дементьев, 2002]. Для институциональной теории релевантный вопрос заключается в следующем: как популяции гетерогенных локализованных взаимодействующих агентов генерируют институциональные равновесия на макроуровне? Как институты появляются из взаимодействий агентов и сохраняются во времени? [Squazzoni, 2008, p. 10].

Если для экономической теории вопрос о делении на микро- и макроуровни агрегирования носит в большей степени *инструментальный* характер (особенно для мейнстрима), то для экономической социологии это вопрос представляется *фундаментальным*. Пространственная экономика часто служит для целей *операционализации*, так как "банальный" географический тип пространства органически связан с возможностью непосредственного эмпирического наблюдения за экономической динамикой.

Институты и экономическое развитие в экономической теории: новая институциональная экономика и история

В экономической теории институтам преимущественно приписывается регулирующая функция. Данное представление согласуется с концепциями как О. Уильямсона, так и Д. Норта. Методологические различия между ними, а следовательно, и между пониманием институтов, на мой взгляд, формируются из-за выбора различных *уровней агрегирования*. Трансакционный сектор на макроуровне, вероятно, является эмерджентным результатом трансакционных издержек на микроуровне. Новая экономическая история сфокусирована на сравнении неэффективности ин-

ституциональных моделей на макроуровне, тогда как новых институциональных экономистов интересует сравнительный анализ эффективности различных режимов координации на уровне фирмы. Ограниченные онтологические представления об иерархии и уровнях агрегирования, например о социально-экономическом целом (*whole*), на мой взгляд, объясняют незавершенность дискуссии о соотношении понятия институтов и организаций. Как отмечает А. Шаститко, “сложность поставленной проблемы проявляется в том, что если Д. Норт, рассматривая институты на макроуровне, отмечал, что история обществ – это скорее история неэффективности, проявляющейся в воспроизводстве институтов, препятствующих экономическому росту, то в соответствии с подходом О. Уильямсона механизмы управления транзакциями... получали объяснения с позиции экономии на транзакционных издержках” [Шаститко, 2007, с. 26].

В экономической теории транзакционных издержек принято выделять три уровня и семь видов зависимостей, первые три из которых являются основными: 1) поведенческие предпосылки; 2) влияние институциональных соглашений друг на друга; 3) сдвиги в параметрах среды; 4) формирование условий жизни индивидов; 5) влияние соглашений на среду; 6) формирование средой условий жизни, в частности “правил игры”; 7) влияние индивидов на среду посредством участия в политическом процессе [Шаститко, 2007, с. 23–26]. Сравнение подхода экономической теории и социологии представлено на рисунке 3. Уильямсон, очевидно, больше внимания уделяет уровню взаимодействия индивидов и институциональных соглашений или механизмов (*arrangements*), тогда как Норт подробно рассматривает взаимодействие организаций с институциональной средой, то есть совокупностью основополагающих политических, социальных и юридических правил, которые образуют базис для производства, обмена и распределения. Под институциональными соглашениями в данном случае понимаются договоры между хозяйственными единицами, которые определяют способы кооперации и конкуренции между ними [Шаститко, 2007, с. 22].

С точки зрения рассматриваемой схемы исследования, данные подходы лишь опосредованно затрагивают мезоуровень анализа. В рамках микроэкономического подхода интерес сместился от оппортунистического индивидуализма к *гибридным* формам координации, основанным на неполных контрактах. Норт достаточно подробно анализирует роль формальных и неформальных правил, а также персонифицированных и деперсонифицированных отношений акторов.

Институты и экономическое развитие в экономической социологии: от структур-акторов к организационным полям

Можно утверждать, что сегодня институты прочно вошли в магистральный экономический тезаурус [Некипелов, 2006]³. И не только экономический. Для экономической социологии признание важности институтов вообще “не может быть новостью”. Как отмечает В. Радаев, “следуя за новой институциональной экономической теорией, пытающейся осуществить синтез старого институционализма и традиционной неоклассики, новый институционализм в социологии пробует соединить достижения новой институциональной экономики и традиционной социологии” [Радаев, 2002, с. 159, 161]. Общности современных институциональных течений⁴ с учетом социологической проекции достаточно емко сформулировал Н. Флигстин:

³Появление *института государства* является результатом взаимодействия противоречивых сил (от микро- к макроуровню). Институт государства монополизирует право на насилие, тем самым поддерживая правила игры в обществе [Некипелов, 2006, с. 276].

⁴Рассматриваются исторический институционализм, институционализм рационального выбора, экономический институционализм и социологический институционализм.

Составлено по [Шаститко, 2007, с. 22; Scott, 2008, p. 192].

Рис. 3. Трехуровневая схема исследования по О. Уильямсону и Р. Скотту.

– все новые институциональные теории так или иначе исследуют то, как конструируются локальные социальные порядки (*local social orders*), которые могут быть названы “полями”, “аренами” или “играми”;

– в основе институциональных теорий лежит социальный конструктивизм, – в смысле, что институты представляются как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися на “полях” (*fields*) или аренах;

– важны модели акторов и предписанные им правила взаимодействия “в полях” (правила распределения ресурсов на основе власти)⁵;

– признается двойственная природа институтов (дихотомия Т. Веблена), которые одновременно и ограничители (рамки) действия, и источники новых возможностей (изменения, развития) [Флигстин, 2002, с. 120–121].

Выделение общностей позволяет Флигстину сделать вывод о том, что “ученые, работающие в различных дисциплинах и имеющие совершенно различные исходные позиции, начали видеть друг в друге коллег, пытающихся решить сходные проблемы” [Флигстин, 2002, с. 120]. Как отмечает Радаев, понятие социологических структур как абстрактных позиций заменяется понятием “полей” – локальных порядков, или арен взаимодействия акторов, в которых создаются и воспроизводятся институты [Радаев, 2002]. Таким образом, организационные поля (*organization fields*) занимают промежуточное положение между макроструктурами и акторами. Это особенно важно с позиции мезоэкономики, так как это означает движение к пониманию своего рода мезоуровня в социологическом пространстве. В организационных полях взаимодействуют группы акторов (часто называемые группами специальных интересов), которые обладают различными властными ресурсами и социальными компетенциями.

Экономический взгляд на проблему также постепенно переключается от рассмотрения агентов к исследованию “игр власти и интересов” (*play of power and self-interests*) в качестве источника формирования институтов. Институционализация как процесс формирования правил – преимущественно политическое явление и отражает

⁵ Сам Флигстин, условно говоря, относится к *властно-ориентированному* направлению в новой институциональной социологии.

относительную власть организованных интересов и акторов, которые мобилизуются вокруг них. В этом смысле различные институциональные агенты (как индивидуальные, так и коллективные) обладают различной “конституирующей властью” (“*constitutive power*”) [Scott, 2008, p. 95, 97]. Любопытно, что социологи признают своего рода “кумулятивную причинность” в рамках организационного поля, утверждая, что организационные поля предоставляют доминирующим акторам лучшие возможности для воспроизводства своих преимуществ⁶.

Ряд ученых видят основной интерес и вызов исследователям в изучении организационных полей, которые одновременно предстают как и единица, и уровень анализа (см. например, [Scott, 2008, p. 181]). С точки зрения институциональных социологов, ключевые компоненты организационных полей – системы отношений, в том числе механизмы координации, культурно-когнитивные системы, организационные архетипы и схемы коллективного действия. Соответственно, задачей является их ситуационная идентификация.

Институты и экономическое развитие в региональной проекции: от глобального к субрегиональному уровню

Доклад о мировом развитии 2009 г., предлагающий новый взгляд на экономическую географию [Reshaping... 2009], ставит институты на первое место среди трех компонентов успешной пространственной интеграции – институтов, инфраструктуры и интервенций (*incentives*)⁷. В ряде недавних работ предпринимались попытки на основе межстранового статистического анализа количественно оценить воздействие качества институтов на экономические показатели на макроуровне, а также сравнить важность влияния географических и институциональных факторов (сведенных к правам собственности и верховенству закона) на экономику различных стран (см., например, [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002; Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002]).

Традиция рассмотрения институтов в контексте регионального развития восходит, на мой взгляд, к появлению в послевоенные годы “высоких”, по выражению П. Кругмана, теорий развития (*high development theories*)⁸. В то время влияние мог оказывать только “старый” институционализм. Поскольку “высокие” теории развития практически сразу стали развиваться как альтернатива мейнстриму, они не могли не заимствовать элементы методологической базы старого институционализма, который по своей природе был исторически и социально ориентированным (подробнее, см. [Нуреев, 2008, с. 113–116]). В недавней работе было показано: один из центральных элементов старого институционализма – индуктивная концепция “кумулятивной причинности” (*cumulative causation*), в различных модификациях встречающаяся у Т. Веблена, Н. Кальдора, Г. Мюрдала и др. [Berger, 2008].

В региональном контексте наибольшее признание получил подход Мюрдала, который сформировал глобальный взгляд на проблемы развития, модернизации и борьбы с бедностью в развивающихся странах. По его мнению, простая модель “кумулятивной причинности”, основанная на инициированном кумулятивном эффекте, более адекватна реальным процессам, происходящим в обществе, чем пересечение кривых спроса и предложения в точке равновесия. Модель кумулятивного роста отрицает выравнивание факторных доходов, доказывая существование их эндогенного расхождения, обусловленного, как сегодня принято считать, следствием возрастающей отдачи от масштаба [Myrdal, 1957].

Аргументы А. Хиршмана также основываются на общей теории неравновесного развития, являющегося результатом цепочки кумулятивных процессов. По его мне-

⁶ Ореховский объясняет данный феномен изначальной неэквивалентностью иерархического обмена.

⁷ Использован смысловой перевод, чтобы сохранить “три И”, как в оригинале. Вполне созвучно с отечественными политическими установками о роли институтов, инфраструктуры, инвестиций и инноваций.

⁸ Например, в 1950-е гг. Норт исследовал региональный рост в историческом контексте [North, 1955].

нию, нарушение равновесия в результате первоначальных инвестиций неизбежно вызовет новые инвестиции (эффект положительной обратной связи). Заслуга Хиршмана – рассмотрение процесса экономического развития с включением социально-культурных переменных. Вывод из его исследований заключается в том, что для достижения более высокого уровня доходов населения в экономике региона необходимо первоначально развить несколько внутренних экономически более мощных центров (в том числе, за счет модернизационной политики государства). Эффекты растекания постепенно сглаживают образовавшиеся в результате поляризации диспропорции [Hirschman, 1958]. Мюрдаль, исследовавший проблему наложения экономического развития на географическое пространство одновременно с Хиршманом, утверждал, что интенсивность процесса поляризации выше, чем процесса растекания. Для этого он использовал собственную терминологию – возмущение (*backwash*) и распространение (*spread*), – соответствующую терминологии Хиршмана. В основе “кумулятивной причинности” лежит предположение о том, что распространение импульсов развития в пространстве происходит спонтанно. В рассуждениях Мюрдаля важна мысль о том, что в более развитой экономике возмущение полнее нейтрализуется эффектом распространения.

Несмотря на общность идей Хиршмана и Мюрдаля в отношении зависимости рассеивающего эффекта от темпов развития, между их взглядами есть различие. Хиршман исходит из необходимости начального географического дисбаланса, внутренне вызываемого центрами роста, в то время как Мюрдаль настаивает на том, что механизм рассеивания стимулируется внешними причинами.

В послевоенный период на всех витках обострения интереса к теме институтов и регионального развития (в 1950-х, 1970-х, 1990-х гг. и в настоящее время) самобытной французской традиции институционализма и регуляционизма всегда “было, что сказать”. Значительным событием в региональной науке XX в. стала теория полюсов роста, заложившая основу для целой плеяды исследований, основной целью которых стало описание и объяснение структуры (анатомии) социально-экономического развития на субрегиональном уровне. Эта теория, изначально представленная Ф. Перру в 1955 году, обычно описывается следующим образом: диалектический процесс эволюционного развития экономической системы протекает во взаимодействии двух противоположенных процессов – условно, концентрации и диффузии. Причем концентрация – результат действия “центростремительных сил”, а диффузия – “центробежных”. Данные процессы протекают в абстрактном экономическом силовом поле. Географическое следствие концентрации – группировка производственной деятельности, а экономико-социологическое – ее властное доминирование [Perroux, 1987]. Впоследствии Перру модифицировал свои идеи в теорию полюсов развития. Думаю, эта теория формировалась как *индуктивная динамическая модель развития в институциональной среде*. Описательная часть теории, вероятно, устарела, так как находилась под влиянием индустриальной экономики, но основные идеи Перру нашли продолжение в современных проблемах, таких как: кластеризация экономической активности, необходимость дезагрегирования моделей, оценка роли внешних эффектов инноваций (*spill-overs*) и др. Развитие, по мнению Перру, происходит в избранных узловых зонах силового поля и позднее распространяет импульсы роста на окружающие объекты. Процесс не заканчивается равновесием, так как сами по себе “перводвигатели роста” – относительно лучшие (приоритетные) зоны для дальнейшего развития. Вероятность дальнейшего роста в таких зонах выше за счет “кумулятивности” процесса.

По мнению Перру, географическое пространство – один из многих и достаточно “банальных” типов пространства. Он утверждает, что можно выделить столько экономических пространств, сколько существует частных систем абстрактных отношений, задающих конкретный объект экономической науки. Известно, что Перру предложил типологию пространств, включающую *абстрактные, гомогенные и плановые пространства*. Причем необходимо уточнить, что он обосновывал существование абстрактных силовых полей (*field of forces*) и гомогенных (равновесных) пространств,

которые являются объектом изучения экономической науки [Petroux, 1987]. Самого Перру, вероятно, интересовали абстрактные силовые экономические пространства⁹.

В общей неравновесной ситуации встречаются частные равновесные состояния, устанавливаемые *активными экономическими объединениями*, способными благодаря своему **статусу** трансформировать окружающую среду в соответствии с собственными целями. Этот процесс отличается от случайных, с точки зрения Перру, равновесий рынков на основе **контрактов**. В обществе *доминируют* различные экономические агенты, которые часто несовместимы друг с другом, что требует планового *регулирования*, выходящего за пределы рыночных функций.

В рамках “высоких” теорий развития была предпринята попытка (в целом неудачная) атаковать *равновесный* подход к анализу экономического роста с помощью абстрактной концепции неравновесного развития. Неудача, по мнению Кругмана, была связана с неготовностью исследователей к достойной формализации оригинальной идеи [Krugman, 1998]¹⁰, хотя Н. Кальдор и др. предприняли попытку построения формальной неравновесной модели [Richardson, 1973]. Тем не менее “высокие” теории развития, на мой взгляд, не прошли бесследно. Во-первых, они способствовали формированию регионального (и субрегионального) направления в экономике развития, во-вторых, внесли вклад в формирование институциональной теории развития¹¹ и системной парадигмы. Так, по мнению современных исследователей, “полюса развития – сложный феномен, разделяющий многие черты с открытыми адаптивными системами. Их сложность обусловлена многообразием вероятных форм и структур на макроуровне, генерируемых множеством агентов на микроуровне” [Kulkarni... 2002, p. 176]. В частности, выделение диалектических процессов концентрации и диффузии, по-моему, во многом сопоставимо с современными представлениями о восходящих и нисходящих процессах в эволюции институциональных правил в процессе развития локальных экономических систем.

Данные теории фактически поставили проблему “самоусиливающихся механизмов” в центр анализа эволюции экономических систем, что и потребовало введения в анализ систем *институтов* (например, в виде эффектов зависимости от пройденного пути, объясняющих, в частности, возрастающую отдачу от масштаба). Роль “высоких” теорий развития заключается в том, что в них впервые поднимается вопрос о “пространственных самоусиливающихся механизмах”. Во многом благодаря их влиянию закрепился тезис о том, что экономический рост и экономическое развитие – не тождественные процессы; экономическое развитие стало рассматриваться как комплексный социальный процесс, для понимания которого методологически необходимо включать в системный анализ понятие институтов.

В этом смысле интеллектуальная традиция институциональной теории развития непосредственно связана с формированием теории систем, где понятие “история” фактически заменяется понятием *развитие*, под которым понимается возрастание степени наблюдаемой сложности, вызванной внутренними причинами [Van der Pijl, 2008]. В современных исследованиях признается, что “пороговые значения и точки перегиба, зависимость от пройденного пути и возрастающая отдача от масштаба, внешние эффекты и положительные обратные связи – все это примеры строительных блоков от механизмов, в которых микро-, макроотображение применяется благодаря... изменениям”, а также, что “пространство не означает только географические характеристики, но скорее репрезентацию форм взаимодействия” [Squazzoni, 2008, p. 17].

Во многом на основе идей Перру формируются “французские” **теории регуляции**, особенно гренобльское направление. “С точки зрения регуляционистов жизнеспособ-

⁹Здесь прослеживается аналогия “абстрактного” пространства с социологическим.

¹⁰В свое время Кругман нашел получивший признание подход к анализу международной интеграции не путем отказа от равновесных моделей, а через принятие допущения о существовании в условиях несовершенной (монополистической) конкуренции *возрастающей отдачи от масштаба* (*increasing returns to scale*) (подробнее см. [Волкова, 2009]).

¹¹Вероятно, не случайно Хиршман отметил значительным вкладом не только в теории развития, но и в экономической социологии.

ность институциональных форм определяется их взаимодополняемостью, которая достигается в рамках сложившегося способа регуляции” [Левин, 2007, с. 42]. Можно утверждать, что на протяжении двух последних десятилетий вслед за теориями концентрации и доминирования (неравновесного развития) приходит новая волна “институционализации региональных теорий развития”. С прежними теориями их связывает индуктивный характер, а также общее неприятие постулатов ортодоксии. Основными объектами анализа становятся “локальные экономические взаимосвязанности”, самыми популярными репрезентациями которых являются комплексности, сети и кластеры [Марков, Ягонильцер, 2008].

Важность институционального анализа для региональной политики емко выражена в одной из последних работ: у “ученых-институционалистов подробно рассмотрены процессы формирования групп специальных интересов и возможности образования коалиций между ними *на уровне страны в целом*. Но почти *в каждом регионе* (курсив мой. – Т.Г.) существует собственный набор стратегических игроков...” [Григорьев, Зубаревич, Урожаева, 2009, с. 208]. Отмечается, что использование институциональных механизмов (принуждения к исполнению правил, разрешения споров, выстраивания систем сдержек и противовесов в социальных сетях и др.) крайне важно для проведения региональной политики, так как активные группы будут либо поддерживать региональные цели и инструменты, либо выступать против них.

В современных исследованиях широко признается роль социальных сетей как компонента институциональной среды в региональном развитии. Отмечается системный характер региональной организации, в частности, что “регионы представляют собой сложную социальную систему, в которой тесно переплетены отношения и связи между компаниями, людьми и группами в обществе, основанные на общей культуре и истории, воспитании, особых региональных ценностях” [Григорьев, Зубаревич, Урожаева, 2009, с. 207].

Институты и экономическое развитие в эволюционной экономике: теория “мезо-”

В последнее десятилетие активную позицию по прояснению механизмов перехода между различными уровнями агрегирования заняли последователи эволюционного (или институционально-эволюционного) направления, с различных сторон подходя к формулированию теории “мезо-”¹². Проблемой “мезо-” озадачились такие исследователи, как К. Допфер, Дж. Фостер и Дж. Поттс, В. Элснер и др.

Правда, по мнению Допфера, нельзя утверждать, что постановка проблемы мезо-сама по себе нова. Пионером в изучении данной проблематики, по его мнению, является Й. Шумпетер. Однако современный этап характеризуется большей готовностью гетеродоксальных направлений фокусироваться на *мезоуровнях анализа*.

Сам Допфер онтологически рассматривает институты как “мезо-” феномен, используя при этом весьма специфическую терминологию. Идея, или *общее правило* (*generic rule*), может физически актуализироваться потенциально многими акторами (популяцией носителей правила). Экономическое развитие происходит на глубинном уровне перехода от одного общего правила к другому. “Мезо-” формируется в процессе имитации и адаптации инновационной идеи институционального предпринимателя другими акторами. А Фостер и Поттс развивают методологию эволюционной экономики на основе “микро-мезо-макро-” проекции. Методология основана на соединении

---

¹² «“Стыковой” характер... контрастных и эволюционных теорий (происхождения конституционных правил. – Т.Г.) заключается либо в применении инструментария рационального выбора для объяснения их происхождения, либо в движении от холистских рамок к процедурам индивидуального выбора. Примером первого служат различные направления неинституционализма. При этом концепция конституционного договора в теории общественного выбора носит преимущественно статический характер, а “новая экономическая история” Д. Норта вносит динамический аспект, связанный, в частности, с распространением модели предпринимательства как созидательного разрушения на сферу институциональных изменений. Примером обратного движения является “теория регуляции”» [Левин, 2007, с. 49].

агентного моделирования, эконометрики, исторического анализа и анализа кейсов (ситуаций). Аналитическая концепция “мезообъектов” (*units*) представляет собой *общее правило и популяцию его носителей*. В результате социально-экономическая система макро- состоит из мезообъектов, а ее изучение предполагает исследование изменений в мезоструктуре. Микроэкономический анализ предполагает изучение индивидуальных носителей правил (*rule carriers*) и их локальных операций. В такой методологии экономическое развитие представляет собой процессы появления, адаптации и устранения мезоправил на микро- и макроуровнях экономики¹³ [Dopfer, Foster, Potts, 2004].

В. Элснер для моделирования “мезо-” как эволюции институтов кооперации¹⁴ развивает подход из теории игр Р. Аксельрода в части использования повторяющейся “дилеммы заключенного” для рационального объяснения логики коллективного действия (что созвучно идеям М. Олсона). Однако, как отмечает Норт, “существует глубокая пропасть между сравнительно ясными, точными и простыми решениями теории игр и тем сложным и неточным способом, которым наощупь двигаются индивиды, чтобы установить взаимодействие с другими людьми” [Норт, 1997, с. 32].

Поэтому, начиная со знаковой работы [Нельсон, Уинтер, 2002], многими исследователями для анализа эволюции социально-экономических систем мезоуровня развивается агентное моделирование (*agent-based models*), или моделирование многоагентных систем [Axelrod, 2005]. По мнению Ф. Скваззони, эволюционная мысль отличается от “стилизированных” подходов¹⁵ тем, что она рассматривает пространство как “отражение” (*tell-tale*) временной динамики [Squazzoni, 2008]. В качестве наиболее подходящей платформы для изучения такой восходящей динамики как раз и предлагается использовать агентные модели.

К похожему выводу относительно нисходящих процессов приходит Дж. Ходжсон [Ходжсон, 2008, с. 58]. Его работы свидетельствуют также о необходимости использовать инструментарий мультиагентных систем и социальных симуляций, посвященных появлению конвенций (*emergence of conventions*) [Hodgson, Knudsen, 2004]. В частности, Ходжсон рассматривает **привычки** и привычное поведение в качестве модели функционирования **индивида** в рамках социальных структур.

В рамках эволюционного подхода Р. Нельсон и С. Уинтер подчеркивают роль **рутин** и рутинизированного поведения в функционировании **организации**. Онтологическое отличие между фундаментальными понятиями привычек и рутин опять-таки носит межуровневый характер.

В результате восходящих и нисходящих процессов акторы становятся носителями институциональных свойств. В институционально-эволюционном подходе часто используется простое разделение акторов по категориям (или стратегиям поведения) в зависимости от их институциональных характеристик. Например, дихотомическими категориями могут быть “новаторы–консерваторы” в моделях диффузии инноваций (см. например, [Сухарев, 2005]); “кооператоры–некооператоры” в теории игр или “*homo economicus*–*homo institutius*” в теории эволюции институциональных систем [Клейнер, 2003^a; 2003^b]. Так, в работах Г. Клейнера выдвигается гипотеза о разделении акторов на два типа в зависимости от характера преследуемых целей: “*homo economicus*” (*HE*) и “*homo institutius*” (*HI*). Для акторов типа *HE* главный мотив выбора – достижение экономических (часто – имеющих финансовое выражение) целей, а для акторов типа *HI* мотивация связана, главным образом, с изменением их институционального (иерархического) положения. В результате взаимодействия данных дихо-

¹³ Однако необходимо заметить, что в качестве иллюстрации мезоправил применяются достаточно обычные институциональные образования, например законы (*laws*), неявные нормы (*tacit norms*) или конвенции (*conventions*).

¹⁴ Под *институтом* в данном случае понимается правило выработки решений и действия индивидов, которое получает всеобщее принятие (*approval*) в процессе взаимодействий и социального обучения. Выработка данного правила моделируется с помощью бесконечно повторяющейся ситуации, в основе которой лежит игровая “дилемма заключенного”.

¹⁵ Прежде всего, речь идет об упрощенном понимании пространства в “маршаллианских” дистриктах и географических кластерах.

томических типов на микроуровне формируется пропорция между макроструктурами (генерациями, сегрегациями) данных типов [Клейнер, 2003⁶]. По мнению Клейнера, данные пропорции в различных обществах обусловлены культурно-историческими факторами. Причем в России преобладает *HI* генерация. Вероятно, это связано с исторически сформировавшимися государственно-патерналистскими конституционными правилами, что и вызывает специфические проблемы модернизации экономики по рыночному образцу [Левин, 2007]. Например, субъект более высокого статуса получает ренту, связанную с его социальным положением.

Таким образом, понятие перераспределения власти как иерархического отношения подчинения между группами – центральная и для эволюционной теории, что делает ее близкой социологическому подходу. Проблема с данным подходом заключается в том, что индивиды могут взаимодействовать со структурами, даже если у них нет “следов в памяти” [Ходжсон, 2008, с. 52–53]. Сам Ходжсон исходит из того, что различие между структурой и актором правомерно, если структура является внешней по отношению к любому индивиду. В моделях с эмерджентными свойствами второго порядка агентам может приписываться способность (*capability*) обнаруживать присутствие эмерджентных свойств и действовать соответствующим образом [Squazzoni, 2008].

* * *

Можно утверждать, что “институциональные переменные” стали обязательным элементом экономических исследований. Однако диалектическое разделение на микро- и макроуровень создает серьезную проблему для анализа институциональных изменений, если исследователь занимает как радикальную индивидуалистическую (агентно-ориентированную), так и холистическую позицию.

Исследователи институтов добились значительных результатов, но пока на очень высоком уровне агрегирования (макроуровне) и в основном в контексте проблем модернизации (исторических и межстрановых сопоставлений развитости институтов капитализма и демократии, в частности, прав собственности и избирательных прав). Основными дисциплинарными доменами, исследующими данную проблематику, стали экономика развития и экономическая компаративистика. На микроуровне новая институциональная экономика, по выражению Норта, повлекла за собой изменение существующего корпуса в статической неоклассической теории. “Но создание модели экономических изменений требует разработки целой теоретической системы, потому что такой модели пока просто не существует. Зависимость от траектории предшествующего развития – это ключ к аналитическому пониманию долгосрочных экономических изменений” [Норт, 1997, с. 144]. Так, проблему развития в центр анализа поставила эволюционная экономика. Ее значительным достижением стало признание того, что развитие социально-экономических систем связано с развитием институтов. Экономическая социология привнесла в анализ институтов проблему власти и доминирования экономических группировок в организационных полях. Региональная наука связала абстрактные организационные поля с конкретными локальными пространствами.

Таким образом, сегодня попытки преодолеть ограниченность традиционных подходов лежат в сфере развития междисциплинарных исследований мезоэкономических (субрегиональных) систем на основе анализа их институциональных изменений. На мой взгляд, современное состояние исследований можно охарактеризовать “формулой Клейнера”: “Фактически изучение мезоэкономических структур эквивалентно изучению институтов... Мезоэкономика – естественное поле формирования и действия экономических институтов” [Клейнер, 2003^a, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волчкова Н. Новая теория международной торговли и новая экономическая география (Нобелевская премия по экономике 2008 года) // Вопросы экономики. 2009. № 1.
- Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Региональная политика: вызовы кризиса // Стратегии социально-экономического развития России: влияние кризиса. М., 2009 Ч. 2. (Препринт).

- Дементьев В.Е. Теория национальной экономики и мезоэкономическая теория // Российский экономический журнал. 2002. № 4.
- Клейнер Г.Б. Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003^a. Т. 1. № 2.
- Клейнер Г.Б. *Homo economicus* и *Homo institutus* в российской институциональной среде // Общественные науки и современность. 2003^b. № 3.
- Левин С.Н. Формирование конституционных правил в экономике России. Кемерово, 2007.
- Марков Л.С., Ягольницер М.А. Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: экономика и социология. 2008. № 1.
- Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзо-нады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008.
- Ореховский П.А. Фактор пространства в трансакционном анализе // Общество и экономика. 2008. № 6.
- Попов Е.В. Эволюция институтов миниэкономики. М., 2007.
- Радаев В.В. Основные направления развития современной экономической социологии // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.
- Сухарев О.С. Институты и экономическое развитие. М., 2005.
- Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.
- Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. 2008. № 8.
- Щапутко А.Е. Экономическая теория организаций. Учебн. пособ. М., 2007.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. No. 4.
- Axelrod R. Agent-based Modeling as Bridge Between Disciplines // Agent-Based Computational Economics. North-Holland, 2005.
- Berger S. Circular Cumulative Causation (CCC) à la Myrdal and Kapp – Political Institutionalism for Minimizing Social Costs // Journal of Economic Issues. 2008. Vol. XLII. No. 2.
- Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro–Meso–Macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14.
- Hirschman A. The Strategy of Economic Development. New Haven, 1958.
- Hodgson G., Knudsen I. The Complex Evolution of a Simple Traffic Convention: the Functions and Implications of Habit // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004. Vol. 54. No. 1.
- Krugman P. Space: the Final Frontier // Journal of Economic Perspectives. 1998. No. 2.
- Kulkarni R., Schintler L., Stough R., Button K. A Kohonen Self-organizing Map Approach to Modeling Growth Pole Dynamics // Networks and Spatial Economics. 2002. No. 2.
- Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. Gerald Duckworth, 1957.
- North D. C. Location Theory and Regional Economic Growth // Journal of Political Economy. 1955. No. 63.
- Perroux F. The Pole of Development's New Place in General Theory of Economic Activity // Regional Economic Development: Essays in Honour of Francois Perroux. Boston, 1987.
- Reshaping Economic Geography / World Development Report – IBRD / World Bank, 2009.
- Richardson H. Regional Growth Theory. London, 1973.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: the Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // NBER Working Paper Series. 2002. WP9305.
- Scott W. R. Institutions and Organizations. London, 2008.
- Squazzoni F. The Micro-Macro Link in Social Simulation // Sociologica. 2008. No. 1.
- Van der Pijl K. A Survey of Global Political Economy (<http://www.sussex.ac.uk/ir/1-4-7-1.html>). Brighton, 2008.